

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-453-461

Научная статья

Межъязыковое взаимодействие при изучении русского языка как иностранного в условиях белорусско-русской лингвокультурной среды

С.А. Гринберг

Витебская ордена «Знак Почета» государственная академия ветеринарной медицины,
Республика Беларусь, 210026, Витебск, ул. 1-я Доватора, 7/11
 s_grinberg@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема межъязыкового взаимодействия в условиях белорусско-русского билингвизма. Близкородственное двуязычие дает богатую картину мира, благоприятствует развитию поликультурного сознания и расширяет потенциальные возможности личности, поскольку посредством одного языка (русского) транслируются сразу две национальные культуры — русская и белорусская. Овладение нормами межкультурной коммуникации осуществляется в различных сферах: учебной, социально-бытовой, культурной, научной, профессиональной. Перед преподавателем русского языка как иностранного стоит особая задача — обеспечить на занятиях гармоничное сочетание культуры изучаемого языка (русского), культуры страны пребывания (Беларусь) и национальной культуры обучающегося. Результатом межъязыкового взаимодействия является формирование в сознании обучающегося так называемой смешанной межъязыковой зоны, включающей в себя элементы разных языковых систем, которые не идентифицируются говорящим как принадлежащие отдельным языкам, вследствие чего могут входить в разные языковые контексты. В ходе анализа мы пришли к выводу, что основные функции коммуникации закреплены в настоящее время за русским языком, в то время как белорусский язык выступает транслятором национальной идеологии и культурного символического.

Ключевые слова: белорусско-русский билингвизм, межъязыковое взаимодействие, языковая адаптация, межкультурная коммуникация, диалог культур, русский язык как иностранный

История статьи: поступила в редакцию 12.04.2022; принята к печати 06.06.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Гринберг С.А. Межъязыковое взаимодействие при изучении русского языка как иностранного в условиях белорусско-русской лингвокультурной среды // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 3. С. 453–461. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-453-461

© Гринберг С.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Interlinguistic Interaction in the study of Russian as a Foreign Language in the Conditions of the Belarusian-Russian Linguistic and Cultural Environment

Svetlana A. Grinberg

Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine,
7/11, Dovatora st., Vitebsk, 210026, Republic of Belarus
 s_grinberg@mail.ru

Abstract. This study is devoted to an urgent problem of teaching Russian as a foreign language in the Republic of Belarus — the problem of interlinguistic interaction in the conditions of Belarusian-Russian bilingualism. Closely related bilingualism gives a rich picture of the world, promotes the development of multicultural consciousness and increases the potential capabilities of the individual, since two national cultures — Russian and Belarusian are broadcasted at once through one language (Russian). Mastering the norms of intercultural communication is carried out in various fields: educational, social, cultural, scientific, professional. A teacher of Russian as a foreign language has a special task — to ensure a harmonious combination of the culture of the language being studied (Russian), the culture of the residence country (Belarus) and the national culture of the student studying. The result of interlinguistic interaction is the formation in his mind the so-called “mixed” interlingual zone, including the elements of different language systems, which are not identified by the speaker as belonging to separate languages, hence can enter different linguistic contexts. In the course of the analysis, we came to the conclusion that the main functions of communication are currently assigned to the Russian language, while the Belarusian language acts as a translator of the national ideology and cultural symbolism.

Key words: Belarusian-Russian bilingualism, interlinguistic interaction, language adaptation, intercultural communication, dialogue of cultures, Russian as a foreign language

Article history: received 12.04.2022; accepted 06.06.2022

Conflict of interests: none

For citation: Grinberg, S.A. 2022. “Interlinguistic Interaction in the study of Russian as a Foreign Language in the Conditions of the Belarusian-Russian Linguistic and Cultural Environment”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (3), 453—461. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-453-461

Введение

Важнейшей целью преподавания русского языка как иностранного в современных условиях является обучение общению в контексте диалога культур. Диалог, по М. Бахтину, — это «взаимопонимание участвующих в этом процессе и в то же время сохранение своего мнения, сохранение дистанции (своего места)» [1. С. 430].

Изучению различных аспектов, касающихся проблемы интеграции культуры в процесс преподавания иностранного языка посвящены исследования таких ученых-лингвистов, как И.Л. Бим, М.З. Биболетова, Е.М. Верещагин, Н.Д. Гальскова, В.Г. Костомаров, Е.И. Пассов, В.В. Сафонова, С.Г. Тер-Минасова, В.П. Фур-

манова, И.И. Халеева, А.В. Щепилова и др. Важная роль в данном вопросе отводится формированию социокультурной компетенции, которая, по определению А.Н. Шукина, «подразумевает знание учащимися национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей языка: их обычаев, этикета, социальных стереотипов, истории и культуры страны, а также способов пользоваться такими знаниями в процессе общения» [2. С. 143].

Диалог культур предполагает взаимное постижение образов мышления носителей другой культуры. Поскольку у каждого этноса свои стереотипы, в сознании носителей одного языка возникает определенная языковая картина, отражающая коллективную философию, сквозь призму которой человек видит окружающий мир.

Обсуждение

В Витебской государственной академии ветеринарной медицины обучаются иностранные студенты и магистранты из разных стран: Ливана, Китая, Греции, Туниса, Эквадора, Узбекистана, Туркменистана, Монголии, Венесуэлы, Конго и др. Преподавание в вузе осуществляется исключительно на русском языке (в отличие, к примеру, от Витебского государственного медицинского университета, в котором для англоговорящих студентов организовано обучение по системе English medium). Перед преподавателем РКИ стоит непростая задача — помочь иностранным студентам использовать русский язык не только в повседневном общении, но и в качестве инструмента их дальнейшей профессиональной деятельности.

Иностранные студенты, выбравшие для получения высшего образования Республику Беларусь, с первого дня «погружаются» в русскоязычную среду, которая функционирует наряду с национально-культурной языковой средой.

Именно лексико-грамматическая и фонетико-графическая близость белорусского и русского языков является одним из важнейших факторов, обуславливающих легкость, с которой носитель одного языка овладевает другим. Однако близость контактирующих языков порождает и дополнительные трудности при общении на каждом из них. Так, при вступлении в контакт двух близкородственных языковых систем происходит интерференция, которая в условиях белорусско-русского билингвизма является важной проблемой культуры речи.

Еще одна особенность функционирования русского языка в Беларуси — использование трасянки — смешанной речи, в которой часто чередуются белорусские и русские элементы и структуры (Википедия). Известный исследователь в области белорусско-русского билингвизма Н.Б. Мечковская под трасянкой понимает «множество стихийно по-разному русифицированных индивидуальных вариантов белорусской речи» [3. С. 312].

Белорусский язык звучит в средствах массовой информации, в транспорте, в общественных местах, а зачастую и в преподавательско-студенческой среде. На белорусском языке представлена информация на различных вывесках, рекламных щитах и билбордах: банк «Дабрабыт»; «Беларусы, будзьце прыкладам для гасцей — прышпіліцеся!»; «Хлеб — тое, што нас аб'ядноўвае»; «Музеі Беларусі разам

з Белкарт»; «МНС дзякуе клапатлівым бацькам» и т.п. Названия многих отечественных брендов звучат только по-белорусски: печенье кондитерской фабрики «Слодыч», женское белье «Мілавіца», трикотаж «Світанак», пиво «Крыніца» и «Аліварыя», домашний текстиль «Блакiт» и др. В кафе, ресторанах и даже в студенческой столовой можно встретить в меню названия белорусских национальных блюд: дранікі, мачанка, студзень, смажанка, халаднік и др. Иностранцы также активно участвуют в социально-культурной сфере: посещают музеи, выставки, театры, различные концерты, конкурсы и фестивали, а также знакомятся с национальными белорусскими праздниками и обрядами (Купалле, Дажынкi, Каляды, Спас, Талака, Юр' еў дзень, Грамніцы).

Бесспорно, русский язык — неотъемлемая часть русской культуры. В то же время посредством русского языка транслируется и белорусская национальная культура. Как справедливо отмечает У.М. Бахтикиреева, речь идет об особом типе би-, полилингвизма, «при котором доминирующую роль объективно играет русский язык, как язык, подтвердивший свою государствообразующую роль, роль мирового языка, посредством которого мир «узнал» о существовании больших и малых этносов и этнических групп, населяющих евразийское пространство» [4. С. 46].

Очевидно, что в сложившихся условиях проблема гармоничного сочетания культуры изучаемого языка, культуры языка страны пребывания и национальной культуры самого обучающегося является одной из приоритетных в преподавании русского языка как иностранного.

Для формирования базового лексико-грамматического и социокультурного минимумов на начальном этапе обучения иностранцев проводится отбор и систематизация сведений о традициях, правилах речевого поведения носителей языка, формах речевого этикета. При этом особые коммуникативные трудности от незнания белорусского языка в условиях близкородственного билингвизма иностранные студенты, как правило, не испытывают, поскольку в обеих языковых системах можно выделить значительное количество лексических единиц, полностью или частично совпадающих по звучанию и (или) написанию.

Среди них присутствует определенная группа слов, обладающих при сходном звучании и написании в белорусском и русском языках совершенно разным значением. При активном контактировании такие слова вступают в системные отношения, присущие *межъязыковым омонимам*. Именно данный пласт лексики обеих языковых систем зачастую является базой для возникновения ошибочных ассоциаций. Нельзя не согласиться с мнением Н.К. Гарбовского, считающего, что причиной возникновения межъязыковых омонимов является «денотативная межъязыковая асимметрия, вызванная тем, что разные языки в те или иные исторические периоды называли аналогичными по внешней форме лексемами, восходящими к одной и той же лексеме классического языка, разные денотаты. Денотативная межъязыковая асимметрия отмечается иногда и при непосредственном заимствовании какой-либо лексемы» [5. С. 339—341].

Межъязыковые омонимы называют «ложными друзьями переводчика» (калька франц. *faux amis*). Данный термин был введен в 1928 г. М. Кесслером и Ж. Дерокинью в книге *Les faux amis ou Les pièges du vocabulaire anglais*. Как полагают

многие исследователи, понятие «ложные друзья переводчика» значительно шире, чем «межъязыковые омонимы», так как оно включает все лексические единицы, способные вызвать ошибочные ассоциации: межъязыковые омонимы, межъязыковые синонимы, межъязыковые паронимы и т.п. [6. С. 11]. Проблеме белорусско-русской межъязыковой омонимии посвятили свои работы и известные белорусские ученые-лингвисты С.М. Грабчиков, А.Е. Михневич, И.С. Ровдо, А.Е. Супрун, П.П. Шуба и др.

В процессе профессионального общения будущим специалистам в области ветеринарии (в том числе и иностранным студентам) часто приходится употреблять в речи существительные — названия живых существ, среди которых присутствуют межъязыковые омонимичные пары. Так, слово *трус* в белорусском языке соответствует русскому слову *кролик*, тогда как *трус* в русском языке — это человек, легко поддающийся чувству страха. В белорусском языке *качка* — название водоплавающей птицы, по значению эквивалентное русскому существительному *утка*. В русском языке слово *качка* означает колебание плавающего корабля (судна) под действием внешних сил.

Есть слова, характеризующие один и тот же предмет как в русском, так и в белорусском языках, однако звучат они по-разному. Это связано, прежде всего, с расслоением семантики, расчлененностью определенного понятия, названного словом как в одном, так и в другом языке.

Многие белорусские названия животных не имеют аналогов в русском языке. Так, русское слово *кузнечик* соответствует белорусскому *конік*; *крыса* по-белорусски — *пацук*; *аист* (рус.) — *бусел* (бел.); *кабан* (рус.) — *дзік* (бел.); *филин* (рус.) — *пугач* (бел.). Или, к примеру, русское слово *ворон*, точное происхождение которого неясно. Вероятно, оно является общеславянским, имеющим соответствия в балтийских языках. В болгарском языке ему соответствует слово *врана*, в сербо-хорватском — *вра̀на*. В белорусском языке вместо него употребляется слово *крумкач* (ср.: лит. *krunkočiūs*).

Вместо русского названия *майский жук* в белорусском языке употребляется слово *хрущ*. Вообще в древнеславянском языке существовало слово *хрущ*, которое использовалось для названия любого вида жуков. «Хрущ (жук). Общеслав. Образовано с помощью суффикса *-j(b)* от *хрустьти*... Первоначальное значение — „хрустящий, шелестящий“» [7. С. 482]. Действительно, эти жуки хрустят листьями в процессе их поедания. Также, если нечаянно наступить на них, то раздастся характерный хруст под ногами.

Интересна этимология белорусского слова *каж́ан*, которому соответствует русский зооним *летучая мышь*. Слово *кожан* существовало в языках восточных славян и являлось однокоренным к слову «кожа» (ср.: рус. *кожаная птичка*, *кожаный нетопырь*). *Кажан* широко распространен в мифологических верованиях белорусов. Согласно народным поверьям, в *Кажана* превращалась мышь, съевшая что-то в церкви или что-либо освященное. За это Бог сделал *Кажана* существом, которое днем не видит, а ночью ловит комаров и мошек. Белорусы называли *Кажана* «ночным чертом», который может приносить как несчастье, так и удачу; верили в то, что он может взять на себя болезнь и унести далеко от человека [8. С. 209].

Также среди существительных, обозначающих названия представителей животного мира, в русском и белорусском языках присутствуют пары, различающиеся категорией рода: рус. *собака* (ж.р.) и бел. *сабака* (м.р.); рус. *гусь* (м.р.) и бел. *гусь* (ж.р.) и т.п.

Отдельно следует остановиться на *безэквивалентной лексике*, которая является показателем уникальности, национального своеобразия языкового сознания любого народа, поскольку именно на лексическом уровне наиболее ярко проявляются черты национальной специфики, национальное «лицо» языка. Термин «безэквивалентная лексика» лингвисты (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер и др.), занимающиеся проблемами языка и перевода, трактуют по-разному.

Так, В.Г. Костомаров и Е.М. Верещагин под безэквивалентной лексикой понимают слова, «план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями» [9. С. 56].

Н.Б. Мечковская утверждает, что основной слой безэквивалентной лексики в языке формируют слова, обозначающие «специфические предметы и явления жизни отдельной культурной общности» [10. С. 85].

А.Д. Швейцер относит к категории безэквивалентной лексики «лексические единицы, служащие для обозначения культурных реалий, не имеющих точных соответствий в другой культуре» [11. С. 108].

В.Н. Комиссаров определяет безэквивалентные лексические единицы как «обозначения специфических для данной культуры явлений, которые являются продуктом кумулятивной функции языка и могут рассматриваться как вместилища фоновых знаний, т.е. знаний, имеющих в сознании говорящих» [12. С. 37].

Таким образом, безэквивалентная лексика репрезентирует те предметы и явления окружающей действительности, которые можно считать наиболее культурно значимыми. Участвуя в оппозиции «свой — чужой», она становится одной из важнейших составляющих, обеспечивающих взаимопонимание в процессе межкультурной коммуникации как процесса, отражающего и уточняющего особенности менталитета народа соизучаемого языка.

В белорусском языке выделяется целый ряд лексических единиц, которые обозначают уникальные предметы и явления, характерные для духовной культуры и быта белорусского народа. Такие слова не имеют русского эквивалента по причине отсутствия самого предмета, названного по-белорусски.

Проблемами исследования безэквивалентной лексики белорусского языка активно занимается И.Г. Шкрабо — автор Слоўніка беларускай безэквівалентнай лексікі, справедливо утверждающая следующее: «Когда белорусское слово имеет сложную структуру значения со многими частными признаками названного предмета, возрастает вероятность того, что в русском языке возможен один способ его семантического толкования — описательный, а само слово в таком случае приобретает статус безэквивалентного» [13. С. 7].

Например, в белорусском языке можно встретить такие слова, как *дажынкi* (окончание жатвы), *дакоскi* (окончание косьбы), *бульбянiк* (картофельная ботва), *кужаль* (очесанный лен), *воўна* (овечья шерсть), *талака* (коллективная помощь), *пералетак* (полугодовалый теленок, ягненок и т.п.), *бусянка* (гнездо аиста) и др.

Интересна этимология белорусского слова *вырай*, которое в современном белорусском языке имеет значение «теплые страны, куда птицы улетают осенью», а также «первые весенние птицы» [14. С. 279]. В белорусской мифологии словом *вырай* обозначали древнее название рая, а также райского дерева, на вершинах которого обитают птицы и души умерших. Согласно древним белорусским поверьям, тот, кто первым увидел *вырай*, будет счастлив и удачлив на протяжении всего года.

Представленная лексика в значительной степени отражает белорусскую культурную картину мира и своеобразие лексического состава белорусского языка, сформировавших социальную систему нации, ее обычаи и традиции, отношение к религии, а также бесценный опыт накопленных знаний об окружающем мире.

В Беларуси языковая среда представляет собой в основном русскую языковую среду, так как общение происходит преимущественно на русском языке. В этой связи многие белорусские ученые-лингвисты (Н.Б. Мечковская, В.А. Маслова, Е.Ю. Муратова и др.) высказываются об особой — символической — функции белорусского языка, что свидетельствует о белорусском языке как средстве самоидентификации белорусов, показателе самостоятельности белорусского этноса. На данном историческом этапе коммуникативные функции белорусского языка значительно снижены, несмотря на то, что возросла его «национально-символическая и этноконсолидирующая роль. Белорусский язык не столько средство общения, сколько национальная идеология и символ» [15. С. 132].

Заключение

Межъязыковое взаимодействие в эпоху глобализации — это один из важнейших способов сохранения национально-культурного многообразия, поскольку изолированность любой культуры неизбежно приводит к ее гибели.

В складывающихся условиях билингвальной и бикультурной среды высшие учебные заведения Республики Беларусь становятся важнейшими центрами развития идеи межкультурной коммуникации учащихся разных национальностей на основе толерантности с формированием нового типа языковой личности в условиях данной национально-культурной общности.

Мы считаем, что межкультурная коммуникация на современном этапе позиционируется как особая форма человеческой деятельности, в ходе которой происходит обмен информацией и культурными ценностями. Продуктивность межкультурной коммуникации обеспечивается осознанным постижением культуры взаимодействующих этносов, изучением их менталитета, картины мира, языка, участвующего в формировании этнической самобытности, отражающего реальный мир, национальный характер носителя языка, систему ценностей.

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
2. *Щукин А.Н.* Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Высшая школа, 2003.

3. Мечковская Н.Б. Языковая ситуация в Беларуси. Этические коллизии двуязычия // *Russian Linguistics*. 1994. Т. 18. № 3. С. 299—322.
4. Бахтикиреева У.М. Теория билингвизма в русском языкознании // *Лингвистика XXI века: сб. науч. ст.: к 65-летию юбилею проф. В.А. Масловой*. М.: Флинта, 2014. С. 45—56.
5. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
6. Акуленко В.В. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». М.: Совет. энцикл., 1969.
7. Краткий этимологический словарь русского языка / сост. Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. М.: Просвещение, 1971.
8. Беларуская міфалогія. Мінск: Беларусь, 2006.
9. Верещагин Е.М., Костомаров В.Н. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1983.
10. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. М.: Аспект Пресс, 2000.
11. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973.
12. Комиссаров В.Н. Теория перевода. М.: Высшая школа, 1990.
13. Шкраба І.Р. Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі. Мінск: Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008.
14. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск: Навука і тэхніка. Т. 2. 1985.
15. Мечковская Н.Б. Белорусско-русское двуязычие и суверенитет Беларуси // *Материалы международной научной конференции «Культура речи в условиях билингвизма: состояние, перспективы, инновационные технологии»*. Минск, 2004.

References

1. Bakhtin, M.M. 1986. *Estetika slovesnogo tvorчества*. Moscow: Iskusstvo publ. Print. (In Russ.)
2. Shchukin, A.N. 2002. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo*. Moscow: Vysshaya shkola publ. Print. (In Russ.)
3. Mechkovskaya, N.B. 1994. “Yazykovaya situatsiya v Belarusi. Eticheskiye kollizii dvuyazychiya”. *Russian Linguistics* 18(3): 299—322.
4. Bakhtikireeva, U.M. 2014. “Teoriya bilingvizma v russkom yazykoznanii”. In *Lingvistika XXI veka: Collection of Articles*. Moscow: Flinta publ. Print. (In Russ.)
5. Garbovsky, N.K. 2004. *Teoriya perevoda*. Moscow University publ. Print. (In Russ.)
6. Akulenko, V.V. 1969. *Anglo-russkiy i russko-angliyskiy slovar' «lozhnykh druzey perevodchika»*. Moscow: Sovetskaya Encyclopedia publ. Print. (In Russ.)
7. *Kratkiy etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka*. 1971. Edited by Shansky N.M., Ivanov V.V., Shanskaya T.V. Moscow: Prosveshcheniye publ. Print. (In Russ.)
8. *Bielaruskaja mifalohija*. 2006. Minsk: Belarus publ. Print. (In Russ.)
9. Vereshchagin, E.M., Kostomarov, V.N. 1983. *Yazyk i kul'tura: lingvostranovedeniye v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo*. Moscow: Russkiy yazyk publ. Print. (In Russ.)
10. Mechkovskaya, N.B. 1973. *Sotsial'naya lingvistika*. Moscow: Aspect Press publ. Print. (In Russ.)
11. Schweitzer, A.D. 1973. *Perevod i lingvistika*. Moscow: Voenizdat publ. Print. (In Russ.)
12. Komissarov, V.N. 1990. *Teoriya perevoda*. Moscow: Vysshaya shkola publ. Print. (In Russ.)
13. Shkraba, I.R. 2008. *Slownik belaruskaj biezekvivalentnaj leksiki*. Minsk: Belarus. Encyklopedyja imja P. Browki publ. Print. (In Russ.)
14. *Etymalahichny slownik belaruskaj movy*. 1985. Minsk : Navuka i tekhnika publ. Print.
15. Mechkovskaya, N.B. 2004. *Belorussko-russkoye dvuyazychiye i suverenitet Belarusi*. In *Materials of the international scientific conference “Kul'tura rechi v usloviyakh bilingvizma: sostoyaniye, perspektivy, innovatsionnyye tekhnologii”*. Minsk. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Гринберг Светлана Александровна — кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков, доцент Витебской ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины. E-mail: s_grinberg@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-7584-9402

Bio Note:

Svetlana Aleksandrovna Grinberg is a PhD in Philological Sciences, head of the Department of Foreign Languages, Associate Professor of the Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine.

E-mail: s_grinberg@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-7584-9402